

Россия на Большом Кавказе в тени Украины и Ближнего Востока

Сергей Маркедонов *

Большой Кавказ: основные политические тенденции

В настоящее время политическая ситуация в Кавказском регионе вытеснена на обочину информационной повестки дня событиями вокруг Ближнего Востока и Украины. Однако, несмотря на смещение внимания экспертов и дипломатов, этот регион по-прежнему сохраняет свою стратегическую значимость.

Во-первых, дают о себе знать неразрешенные конфликты, в особенности нагорно-карабахское противостояние, где в последнее время возросло количество вооруженных инцидентов (не только на линии соприкосновения сторон, но и на границе Армении и Азербайджана за пределами конфликтного региона)¹. В отличие от Нагорного Карабаха ситуация в Абхазии и Южной Осетии выглядит относительно спокойной. Две частично признанные республики получили военно-политические гарантии и социально-экономическую помощь со стороны России, а Тбилиси, несмотря на официальную риторику о восстановлении территориальной целостности как важнейшем приоритете, не предпринимает усилий по установлению своей юрисдикции над Сухуми и Цхинвали. Необходимо признать, что абхазский и югоосетинский выбор упрочил связи Грузии с США, НАТО и ЕС. Правительство "Грузинской мечты" не только не пересмотрело прозападный вектор времен президентства Михаила Саакашвили, но и укрепило его. При этом действия Южной Осетии по пограничному размежеванию (известные как "бордеризация"), поддерживаемые Москвой, вызывают у Грузии и Запада опасения

---

* Д-р Сергей Маркедонов доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета, Москва.

¹12 ноября 2014 года вооруженными силами Азербайджана был уничтожен армянский военный вертолет Ми-24 (погибли три члена экипажа). Этот инцидент стал первым случаем уничтожения боевой машины авиации в зоне конфликта, начиная с мая 1994 года, если не считать военно-транспортный самолет Ирана, который пошел по неправильному маршруту и был сбит. Доступно на: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/252305/>

по поводу продвижения России на собственно грузинскую территорию.

Во-вторых, Россия и США по-прежнему рассматривают Южный Кавказ как площадку для геополитической конкуренции, и события вокруг Украины лишь оттенили, но не отменили этот факт. Для Вашингтона данный регион интересен в контексте "энергетического плюрализма", то есть альтернативного обеспечения Европы нефтью и газом, а также как ресурс для сдерживания амбиций Тегерана и Москвы. Для России, имеющей в своем составе семь республик Северного Кавказа, положение дел в соседних странах по другую сторону Кавказского хребта видится как продолжение внутривосточной повестки, особенно в сфере безопасности.

В-третьих, помимо уже имеющихся проблем, значительно выросла роль так называемых "фоновых факторов". Речь идет, прежде всего, об угрозе со стороны "Исламского государства" (ИГ). Ранее джихадистские структуры Ближнего Востока, такие как *Аль-Каида*, не объявляли Кавказ сферой своих интересов или приоритетным регионом. Летом 2014 года представители ИГ сделали подобное заявление: сегодня в руководстве данной структуры немало людей кавказского происхождения².

Если же анализировать влияние украинского кризиса, то он вывел на более высокий уровень конкуренцию между европейской и евразийской интеграцией. Часть постсоветских государств выбрала подписание Соглашения о свободной торговле с Европейским Союзом, часть – вхождение в состав Евразийского Экономического Союза под эгидой России, а некоторые (например, Азербайджан) – балансирование между разными интеграционными проектами. При этом Армения, Грузия, Молдова и Украина вовлечены в неразрешенные этнополитические конфликты, а интеграционные возможности рассматриваются ими, среди прочего, как дополнительный инструмент. Кризис на Украине способствовал еще большей активизации контактов между Грузией и НАТО. И хотя Тбилиси не приобрел ПДЧ (План действий по членству) в Альянсе, но получил в сентябре 2014 года пакет "усиленного сотрудничества"

---

²См.: Сергей Маркедонов, *Исламское государство – угроза для Большого Кавказа*, 9.11.2015. Доступно на: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6823#top-content

с Североатлантическим альянсом. В Крцаниси же в августе 2015 года открылся совместный учебный центр для подготовки грузинских офицеров и военных из стран НАТО и государств-партнеров блока³.

Евразийская интеграция Армении, соответствующая российским интересам, развивается не просто на фоне социально-экономического кризиса, санкций Запада против РФ и не всегда качественному и адекватному менеджменту крупных российских компаний, присутствующих в республике. Ставка армянских властей на евразийский вектор воспринимается неоднозначно и внутри Армении, где оппозиция Сержу Саргсяну (и бюрократическая фронда в структурах управления страной) говорит об отказе президента этой страны от принципов внешнеполитического комплементаризма⁴.

Не менее важным для интересов РФ является и сотрудничество Москвы с двумя частично признанными республиками (Абхазия и Южная Осетия). После того, как Грузия сделала очередные шаги по укреплению прозападного вектора своей внешней политики, в этих образованиях укрепились настроения в пользу наращивания сотрудничества с Россией и фактической передачи в ее руки функций безопасности, охраны границ и обороны. Однако в Абхазии это сопровождается опасениями по поводу "полной утраты суверенитета", а в Южной Осетии, напротив, недовольством по поводу нежелания Москвы мультиплицировать крымский сценарий и позволить реализоваться объединению республики с Северной Осетией под эгидой РФ⁵.

Россия - Грузия: стратегические расхождения на фоне тактических подвижек

Парламентские и президентские выборы в Грузии, состоявшиеся в октябре 2012 и в октябре 2013 года, соответственно, значительно изменили внутривнутриполитический ландшафт этого государства. Завершился десятилетний период пребывания у власти Михаила Саакашвили. За это время

³Доступно на: <http://www.memo.ru/d/245378.html>

⁴См.: С. Маркедонов, *Уроки Армении для России*, 25.10.2015. Доступно на: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6753#top-content

⁵Доступно на: http://www.minchenko.ru/netcat_files/File/Political%20risks%20in%20the%20South%20Caucasus%20region.pdf

российско-грузинские отношения достигли самой низкой отметки со времени распада Советского Союза. Именно в период его легислатуры Грузия разорвала дипломатические отношения с Россией, две страны пережили, хоть и короткое, протяженностью всего в пять дней, но открытое военное противостояние. И с признанием независимости Абхазии и Южной Осетии был создан первый после 1991 года прецедент ревизии границ между бывшими союзными республиками.

С уходом из власти президента Грузии Михаила Саакашвили и поддерживающей его партии "Единое национальное движение" в российско-грузинских отношениях произошли определенные изменения. Однако по большей части они носили (и продолжают носить) тактический и селективный характер. Новые грузинские власти (представляющие партию "Грузинская мечта") сохранили приверженность стратегическим подходам прежнего руководства, то есть продолжение и укрепление интеграционных связей с НАТО и с Европейским Союзом. Именно новое руководство сначала парафировало (ноябрь 2013 года), а затем подписало и ратифицировало (лето 2014 года) Соглашение об ассоциации с ЕС. Оно продолжило участие грузинского контингента в операции НАТО в Афганистане и выразило готовность принять участие в операции под эгидой ЕС в Центральной Африке (даже без какого-либо прогресса относительно визовой либерализации для граждан Грузии).

При этом команда "Грузинской мечты", в отличие от команды Саакашвили, пошла на серьезные изменения своей тактики. Стратегическая цель – вступление в НАТО и в ЕС, видится ей не через лобовую конфронтацию с Россией, а через прагматизацию отношений с ней. К очевидным результатам этой политики следует отнести:

- купирование конфронтационной риторики и использования России в качестве фактора внутривнутриполитической мобилизации официальными властями Грузии;

- отказ Тбилиси от поддержки северокавказских националистических движений и политического альянса с ними на основе позиционирования Грузии как "кавказской альтернативы" России;

- декларация готовности к сотрудничеству по вопросам обеспечения безопасности сочинской Олимпиады;

-установление прямого регулярного диалога между представителями Грузии и России, свободного от постановки и обсуждения статусных споров по Абхазии и Южной Осетии (формат встреч между Григорием Карасиным и Зурабом Абашидзе).

С российской стороны произошло открытие рынка для грузинских товаров (алкогольная продукция, минеральная вода, цитрусовые культуры) и упрощение визового режима для грузинских перевозчиков (водителей).

Несмотря на публичную поддержку территориальной целостности Украины и осуждение "аннексии Крыма" Грузия отказалась от "привязки" своей политики к украинскому кризису.

Однако наличие таких противоречий, как статус двух частично признанных республик и различные внешнеполитические позиции относительно вовлечения НАТО и ЕС в кавказские дела ("красные линии"), привело к быстрой исчерпанности первичной повестки нормализации между Россией и Грузией. На сегодняшний день фактически единственной темой возможной кооперации двух стран в будущем остается антитеррористическое сотрудничество с учетом радикализации населения в приграничном с РФ Ахметском районе Грузии (Панкиси) и вовлеченности выходцев оттуда в исламистские движения в Сирии и Ираке, прежде всего в ИГ.

Нагорный Карабах: угрожающая эскалация

В последние два года резко обострилась ситуация в зоне Нагорно-Карабахского конфликта. Инциденты были зафиксированы как непосредственно на линии соприкосновения сторон, так и на армяно-азербайджанской границе, в тех районах, которые в официальных документах мирного процесса ("Обновленные Мадридские принципы") не рассматриваются как часть этнополитического противостояния. Они стали самыми масштабными случаями нарушения режима прекращения огня за двадцать лет перемирия.

Подобная эскалация чревата следующими серьезными угрозами. Во-первых, нарушением *status quo* и возобновлением военных действий с возможным внешним вовлечением в противостояние (учитывая стратегический характер военно-политического партнерства Баку и Анкары). Во-вторых, если атака против инфраструктуры непризнанной НКР (Нагорно-

Карабахской Республики) с формальной точки зрения может рассматриваться, как действия против сепаратистов, то перенесение боевых действий на территорию Армении заставит задействовать механизмы Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), членом которой эта республика является. Однако внутри ОДКБ такое решение, учитывая устойчивую кооперацию между Баку и Астаной, Минском и Баку, а также особые позиции в евразийской интеграции Нурсултана Назарбаева и Александра Лукашенко, скорее всего, не получит единодушной поддержки. В свою очередь, это может негативно сказаться и на динамике евразийской интеграции, что потенциально могло бы стать дополнительным риском для российской внешней политики.

Во многом всплеск насилия в Нагорном Карабахе и на армяно-азербайджанской границе стал возможным благодаря растущему противостоянию России и стран Запада, которые в урегулировании именно Нагорно-Карабахского конфликта (в отличие от "грузинских" конфликтов) многие годы успешно кооперировали. Фактически мы можем говорить о попытках конфликтующих сторон протестировать готовность трех государств-сопредседателей Минской группы ОБСЕ – США, Франции и России, к совместному реагированию на вооруженные инциденты и к поддержанию общей линии на ведение переговоров и обеспечение мирного процесса в целом.

Тем не менее, с начала украинского кризиса стали ощущаться стремления каждой из участниц Минской группы к проведению собственной миротворческой деятельности. К таковым можно отнести презентацию американского дипломата Джеймса Уорлика, чьи "элементы урегулирования" были представлены как план правительства США, а не согласованный курс трех посредников, а также обсуждение в Конгрессе Акта о предотвращении российской агрессии (который был распространен и на Азербайджан). В сентябре 2014 года на полях саммита НАТО в Ньюпорте состоялись переговоры глав двух южнокавказских республик с госсекретарем Джоном Керри. Со своей стороны, Россия инициировала трехстороннюю встречу президентов РФ, Армении и Азербайджана в Сочи в августе, а Франция – в ноябре 2014 года. Однако до настоящего времени российское руководство принципиально не поменяло ни одного из своих прежних подходов к карабахскому урегулированию

(статус НКР, роль Минской Группы и участие в ней). Оно лишь сделало незначительную коррекцию, фактически выступив за дополнение переговорного формата трехсторонними встречами с участием лидера РФ. Впрочем, после встречи в Сочи эта идея не получила последовательной реализации. Ее, скорее, можно рассматривать, как некую декларацию о намерениях. Как бы то ни было, а проблема кооперации трех стран-сопредседателей в случае повторения инцидентов, аналогичных тем, что имели место летом 2015 года, остается актуальной.

Армения и евразийская интеграция: обретения и издержки

В январе 2015 года Армения официально присоединилась к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). Это государство Южного Кавказа традиционно рассматривается как главный политический и военный союзник России в регионе. Однако этот тезис отражает лишь внешние контуры тех сложных процессов выбора между евроатлантической и евразийской интеграцией, которые происходят в Закавказье сегодня. Помимо них, есть существенные нюансы.

До самого сентября 2013 года армянское руководство колебалось в выборе вектора интеграции. Скепсис ряда высокопоставленных чиновников относительно Таможенного союза и евразийской интеграции (включая и бывшего премьер-министра Тиграна Саркисяна, оставившего свой пост в начале апреля 2015 года и ряда высокопоставленных сотрудников МИД, в частности, заместителя министра Шаварша Кочаряна) объяснялся целым рядом резонов. Среди них называлось и отсутствие общей границы с Россией, и зависимость от "грузинского окна" во внешний мир, на который приходится две трети экспорта и импорта в республику, и необходимость диверсифицированной внешней политики ради недопущения одностороннего усиления позиций Азербайджана на Западе.

По-прежнему сохраняют свою актуальность и "технические проблемы" (на самом деле, имеющие большое значение для армянской внутренней политики), как вопрос о таможенных тарифах, не говоря уже об опасениях потерь в связи с санкциями Запада против РФ. При этом критическое отношение к администрации Сержа Саргсяна его оппоненты распространяют и на Кремль, обеспечивающий поддержку армянского президента. Среди политических сил этого направления можно выделить

партии "Гражданский договор", "Свободные демократы" и "Наследие". На фоне конституционных реформ, вызывающих в армянском социуме и политическом сообществе неоднозначные оценки, данный фактор крайне важен.

Присоединение Армении к евразийской интеграции сопровождалось скепсисом и со стороны некоторых стратегических партнеров России. И хотя сегодня тот же Нурсултан Назарбаев снял свои претензии к членству Армении в ЕАЭС, не исключено, что это недовольство может пребывать какое-то время в "спящем состоянии". Однако при любом обострении Нагорно-Карабахского конфликта или возобновления военных действий между Арменией и Азербайджаном казахстанская позиция может быть предельно четко артикулирована.

Азербайджан: партнерство без завышенных ожиданий

После того, как Москва и Баку не смогли достичь компромисса о продлении срока эксплуатации Габалинской РЛС (радиолокационной станции), отношения между Россией и Азербайджаном пережили некоторый спад. Впрочем, он продолжался недолго, и уже в 2013 году сменился новым подъемом.

Азербайджан, в отличие от Грузии, не ставит своей целью присоединение к НАТО. В настоящее время прикаспийская республика – член Движения неприсоединения. Будучи мусульманской страной, Азербайджан крайне настороженно относится к политике Запада по демократизации Расширенного Ближнего Востока (прежде всего, это относится к перспективам возможного его втягивания в противостояние с соседним Ираном). Как следствие – интерес руководства страны к поддержанию сотрудничества с Россией.

В Азербайджане ценят трансграничную кооперацию с РФ по борьбе с терроризмом (страны делят общую границу по дагестанскому участку). Азербайджан и Россия имеют общие подходы к вопросу об определении статуса Каспийского моря. Страны осуществляют очень активное военно-техническое сотрудничество⁶. Активные закупки со стороны Баку российского

---

⁶В 2010–2012 годах были заключены несколько пакетов контрактов на поставку вооружений из России в Азербайджан. В 2013 году началась реализация этих договоренностей. В ходе визита В. Путина в Баку (2013)

вооружения, по сути, были хорошей финансовой компенсацией для Москвы за элементы прозападной ориентации в политике Азербайджана в энергетической сфере. Одновременно они показали, что Россия не является потенциальным противником Азербайджана в Нагорно-Карабахском конфликте, несмотря на российские гарантии безопасности для территории собственно Армении (как на двусторонней основе, так и в рамках ОДКБ). В то же самое время эти действия создали активное неприятие со стороны армянского общества и политических кругов. И в случае любой эскалации насилия в Нагорном Карабахе данная тема в российско-армянских отношениях непременно актуализируется.

В отличие от западных государств, Россия не подвергает критике внутривнутриполитические стандарты Азербайджана (это в особенности касается парламентских и президентских выборов). Следовательно, позиция РФ является важным фактором международной легитимации политических порядков в прикаспийском государстве, что ценит и официальный Баку.

Однако двустороннее партнерство имеет и четкие пределы. Во-первых, Азербайджан стремится играть свою собственную партию в энергетических проектах региона, выступая партнером Запада. Во-вторых, Баку четко и последовательно поддерживает территориальную целостность как Грузии, так и Украины. Так, 27 марта 2014 года Азербайджан на Генеральной Ассамблее ООН проголосовал за резолюцию, поддерживавшую территориальную целостность Украины и рассматривавшую референдум в Крыму как незаконный. В-третьих, прикаспийская республика не стремится присоединиться к евразийским интеграционным проектам, патронируемым Москвой. При этом сама Россия пытается осуществлять интеграцию, которая не напоминала бы СНГ ("инструмент для цивилизованного развода"). До решения же Нагорно-Карабахского конфликта совместное нахождение в одной интеграционной структуре Армении и Азербайджана способно сделать ее КПД нулевым.

эта сфера была названа одним из приоритетов двустороннего взаимодействия в будущем. Во время визита министра обороны РФ С. Шойгу (октябрь 2014) была достигнута договоренность о совместных российско-азербайджанских учениях на Каспии.

Москва и частично признанные республики:
укрепление российского влияния
и факторы скрытого недовольства

Укрепление прозападного внешнеполитического вектора Грузии вызвало политическую радикализацию в Абхазии и в Южной Осетии. В ходе югоосетинских парламентских выборов (8 июня 2014 года) победу одержала партия "Единая Осетия" (ее лидер Анатолий Бибилов получил пост спикера высшего представительного органа власти), последовательно выступающая за реализацию проекта объединения республики с Северной Осетией под эгидой и в составе РФ. В ходе внеочередных президентских выборов в Абхазии (24 августа 2014 года), вызванных массовыми выступлениями оппозиции (27 мая 2014 года) и отставкой главы республики Александра Анкваба победу одержал Рауль Хаджимба, лидер "Форума народного единства Абхазии", выступающий за углубление военно-политической кооперации с РФ и практически полное замораживание контактов с Грузией.

Ключевыми событиями во внешнеполитической жизни Абхазии и Южной Осетии стало подписание договоров между этими республиками и Россией. Российско-абхазский Договор о союзничестве и стратегическом партнерстве был подписан 24 ноября 2014 года, а российско-югоосетинский Договор о союзничестве и интеграции – 18 марта 2015 года. И хотя оба документа зафиксировали растущее военно-политическое присутствие России в двух частично признанных республиках, их нельзя назвать в полной мере новой вехой в их отношениях. Они формально закрепили тот расклад, который обозначился в августе 2008 года, когда Россия из статуса миротворца перешла в разряд патрона и гаранта безопасности Абхазии и Южной Осетии.

Вместе с тем, наряду с общими чертами, два договора имеют свои особенности. В абхазском случае присутствовала следующая коллизия: противоречие между стремлением к строительству собственного национально-государственного проекта и растущей зависимостью от российской военной и финансовой помощи. Абхазская сторона стремилась подвергнуть документ ревизии с целью сохранения преференций для себя. Например, россияне не получили права на получение абхазского гражданства, из названия документа было исключено слово "интеграция". Югоосетинская же сторона, была, напротив, заинтересована в максимальной интеграции с Россией, вплоть до

вхождения в ее состав (по примеру Крыма). Эти различия объясняются фундаментальным расхождением двух проектов. Если Абхазия стремится к сохранению своей государственности (при российских военно-политических гарантиях), то Южная Осетия рассматривает независимость не как самоцель, а как переходный этап к объединению с Северной Осетией под эгидой России. При этом обе республики фактически даже не рассматривают вариант возвращения под юрисдикцию Грузии. В политической повестке Абхазии и Южной Осетии грузинский сюжет перестал играть первостепенную роль. Он отодвинут на второй план проблемой качества независимости под российской эгидой, а также цены влияния РФ. Наиболее остро этот вопрос стоит в Абхазии, стремящейся сохранить определенную свободу от российского присутствия (как минимум, от прихода крупного бизнеса). В Южной Осетии, напротив, заинтересованы в более активном прямом вовлечении Москвы, в особенности в процесс восстановления республики после войны 2008 года.

Северный Кавказ: внешнеполитический срез

На сегодняшний день положение дел на Северном Кавказе по сравнению с 2013 и 2014 годами выглядит как более стабильное и спокойное. Число терактов неуклонно снижается. Если в четвертом квартале 2014 года жертвами терактов и диверсий стали 168 человек (убито – 101, ранено – 67), то в первом квартале 2015 года этот показатель снизился до 50 (убито – 31, ранено – 19). Во втором квартале было зафиксировано 44 пострадавших, в том числе 38 убитых и 6 раненых. Многие лидеры исламистского подполья, такие как главарь "Имарата Кавказ" Алиасхаб Кебеков, были ликвидированы⁷.

Однако существуют фоновые факторы, которые заставляют обращать внимание на этот регион РФ. Так называемое Исламское государство, оказавшееся в фокусе международного внимания в июне 2015 года (когда их силами был захвачен стратегически важный иракский город Мосул), выступило с угрозами в адрес России и ее президента. И хотя двумя фокусами деятельности ИГИЛ являются Ирак и Сирия, через его ячейки прошли и выходцы из стран Южного Кавказа (Азербайджана и Грузии) и северокавказских республик. Одним

---

⁷Доступно на: <https://www.kavkaz-uzel.ru/articles/261215/>

из центральных персонажей этой сирийско-иракской истории является Умар (Омар) аш-Шишани⁸.

Вооруженное насилие на Северном Кавказе не единожды рассматривалось в контексте возможных внешнеполитических угроз для России. В 1990-х – начале 2000-х годов знаковой фигурой "исламистского интернационала" на Северном Кавказе был "черный араб" Хаттаб (Хабиб Абдул Рахман, он же "Ахмед Однорукий"). На Северном Кавказе "засветились" такие персонажи, связанные с *Аль-Каидой*, как Абу Омар Аль-Сейф, Абу Омар Кувейтский (Абу Дзейт), Муханнад (Абу Анас). Абу Хафс Аль-Урдани, хотя и высказывал публично свои симпатии в адрес Бен Ладена, но никогда не идентифицировал себя с известной террористической сетью. Были и другие фигуры меньшего масштаба. На сегодняшний день антироссийское движение на Северном Кавказе действует под лозунгами не этнического сепаратизма, а "чистого ислама", а основательно ослабленный "Эмират Кавказ" фактически стал перетекать под крыло "Исламского государства". Уже к концу 2014 года на Северном Кавказе ряд полевых командиров обозначили себя сторонниками "ИГ" и принесли присягу его лидеру Абу Бакру аль-Багдади. Расколы внутри северокавказского диверсионно-террористического подполья случались и ранее (например, в 2010 году Доку Умаров разошелся с некоторыми полевыми командирами из Чечни), но не распространялись за пределы региона и проходили без вмешательства мощных сил извне, хотя бы приблизительно сопоставимых с "Исламским государством". Таким образом, северокавказский фактор стал одним из триггеров (далеко не единственным) российского вмешательства в конфликт в Сирии⁹.

"ИГ" рассматривает Россию и Запад в качестве своих противников (несмотря на имеющиеся противоречия между Москвой и Вашингтоном). К сожалению, расхождения по многим

---

⁸Под этим именем известен Тархан Батирашвили (сын грузина и кистинки, как в Грузии называют чеченцев, населяющих Панкиси). В 2008 году он участвовал в "пятидневной войне", но затем не смог найти себя на военной службе. Впоследствии он выехал в Турцию, затем на Ближний Восток, где присоединился к ИГ. Доступно на: http://kavpolit.com/authors/arsen_ibragim-1615/

⁹Алексей Малашенко, *Россия в Сирии: успехи и угрозы*, 2.10.2015. Доступно на: <http://carnegie.ru/2015/10/02/ru-61487/iigf>

проблемам (от Грузии и Украины до оценок перспектив размещения элементов американской противоракетной обороны в Европе) не позволяют двум государствам, имеющим схожий вызов со стороны джихадистских структур, сосредоточиться на кооперационных стратегиях. Между тем, жесткое расхождение России и США объективно способствует консолидации "третьих сил" (прежде всего, таких террористических сетей как "ИГ" или *Джихад ан-Нусра*) заинтересованных в ослаблении не только Запада, но и России.

Заключение

В нынешних обстоятельствах России крайне важно купировать риски в Кавказском регионе, что позволит ей сосредоточиться на продвижении своих интересов на Украине (где решается сегодня вопрос о перспективах европейской безопасности в целом) и в Сирии (где ставкой является участие РФ на правах равного партнера в международной антитеррористической коалиции).

В этой связи крайне важным представляется недопущение критического обвала имеющихся переговорных форматов, каковыми являются Женевские консультации по ситуации в Грузии, Абхазии и Южной Осетии, и переговоры по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта, в качестве каналов коммуникации между участниками конфликта и всеми игроками, вовлеченными в мирный процесс.

В Нагорно-Карабахском конфликте необходима активизация наряду с имеющимся форматом Минской группы ОБСЕ трехстороннего переговорного процесса на уровне президентов Армении, Азербайджана и России. Этот формат уже оправдал себя в 2008-2012 годах: благодаря ему удалось удержать Ереван и Баку от повторения югоосетинского сценария и даже достичь взаимных соглашений по гуманитарным вопросам. Помимо наращивания российского участия такой формат позволил бы блокировать усилия других членом Минской группы, в особенности, США.

Диверсификация политики в отношении к Абхазии и Южной Осетии, элиты которых имеют разные взгляды на перспективы своего существования, также крайне важна. При этом координация интеграционных действий с Сухуми и Цхинвали должна вестись при четком понимании того, что у

России есть свои интересы и резоны, а позиция Москвы несводима к функциям абхазского и югоосетинского лоббиста (в этом плане было бы полезно воздержаться от реализации планов "Единой Осетии" по крымскому образцу).

Продвигая интеграционный проект ЕАЭС в Армении, для России актуальной задачей видится выстраивание отношений со всем политическим спектром республики с целью недопущения резкой поляризации внутри нее на основе оценки отношений с Россией и евразийской интеграции. Конструктивные отношения с армянской оппозицией должны предотвратить превращение ее в инструмент США и Евросоюза в канун предстоящих в 2017 году парламентских и в 2018 году президентских выборов.

Думается, что выстраивание партнерства с США и их союзниками по противодействию радикальному джихадизму на Ближнем Востоке (с учетом влияния ситуации в этом регионе на Северный Кавказ) сможет также оказать позитивное воздействие на региональную безопасность. И не в последнюю очередь это может удержать разных региональных игроков от соблазна пойти по пути "разморозки" конфликтов.